

Н. С. ПЕТРЕНКО

**Идея своевременности
как часть контекста теорий
персональной модернизации***

Как и всякая историческая эпоха, современность (modernity) характеризуется наличием особой структуры времени и внутренней культуры отношения к нему, поскольку восприятие времени само по себе является результатом многовековой эволюции. Сложилось определенное понимание темпоральности, при котором настоящее не

похоже на прошлое и рассматривается как другое и (когда связано с концепцией прогресса) лучшее. Возникли своего рода культурные границы, отделившие этот вид темпоральности от предшествующих.

Тем не менее, относительно такого аспекта восприятия времени, как своевременность, множество вопросов остаются непро-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Человек в экономической и других социальных сферах».

ясненными. Так, правильным ли будет сказать, что чувство своевременности в традиционном обществе, обществе периода европейского Средневековья, Нового времени и последующих периодов должно, по умолчанию, отличаться, поскольку мироощущение самого человека этих культурно-исторических эпох неодинаково? Скорее, речь идет не о чувстве, интуиции своевременности, а о его большей или меньшей значимости.

Кроме того, социальное время, время истории — это время множества людей, общностей разного рода (государства, цивилизации). Когда модернизация достигает стадии осознания, представляет собой проект (т. н. вторичные, запаздывающие/догоняющие модернизации), заданная скорость развития становится всеобщим ориентиром. Общество требует согласования и координации личного и социального темпа, приведения в соответствие внешних условий жизни и внутреннего чувства, определенной пластичности сознания. Вместе с тем психологическое время плохо поддается измерению и неодинаково по интенсивности.

Изменение социокультурной модели индивида, приближение к идеалу современности на атомарном уровне, часто понятое как его совершенствование, призвано было обеспечить успех модернизирующегося общества. Универсальным свойством любой культурной эпохи, одной из закономерностей является поляризация социокультурных явлений и процессов на должные и недолжные. В этом смысле одним из должных качеств человека и событий с культурной идентичностью *modernity* является интуиция, чутье на такую вещь, как своевременность и — для событий — качество своевременности. Своевременность можно описать как некоторое сложное соответствие течения личностного времени человека и внеположного ему объективного хода вещей, на фоне более или менее параллельного течения которых происходит (или не происходит, или должно произойти, ожидается) некое новое событие. Можно видеть, что динамика сразу распадается на три этапа: время пришло, время про-

шло, время (безвозвратно) ушло, момент упущен. Существует еще такое понятие, как преждевременность. И все это связано, в том числе, с понятиями необходимости, актуальности, эффективности, ожидаемости и т. д., т. е. это сложный многофакторный феномен.

Рассмотрим только некоторые аспекты понятия своевременности, так как они связаны с концепциями персональной модернизации.

СВОЕВРЕМЕННОЕ И АКТУАЛЬНОЕ

Прежде всего, своевременность не тождественна актуальности, хотя в некоторых чертах совпадает с ней. И актуальность, и своевременность показывают востребованность чего-либо целевой аудиторией, являются ценностно нагруженными (чаще положительными) фигурами речи. «Желаемость», «чаемость» того, что описывается через эти понятия, привлекает внимание, входит в массовое сознание, имеет отношение к сфере мотивации и вообще морального духа. Очевидно, что и своевременность, и актуальность могут быть объективной характеристикой событий, рассмотренных ретроспективно.

Вместе с тем, как представляется, своевременность в большей степени связана с внутренней темпоритмикой, будучи в этом смысле частью субъективного восприятия времени, хотя оба свойства могут быть суждением вкуса, «красотой в глазах смотрящего». Как показывают исследования, своевременность, в отличие от актуальности, проявляется в «адекватном внешним временным нормативам использовании своих временных психических способностей и механизмов, в создании особой временной направленности деятельности, в ходе которой человек связывает разорванные, разобщенные во времени объекты, придает им определенный ритм и скорость»¹.

И актуальность, и своевременность оперируют понятиями календарного срока, однако для актуальности временные рамки не так строго очерчены. В зону актуальности попадают события, контекстуально близкие по смыслу к первоначально имевшимся в ви-

ду, все недавно произошедшее, свежее, последние новости на данную тему, даже если лимит времени исчерпан. Период актуальности зависит от общественных умонастроений, культурного контекста или непосредственной личностной заинтересованности. Например, на протяжении жизни человек может интересоваться какой-то проблемой, и все новости по ней будут актуальны для него.

С другой стороны, своевременность действий часто связана с конкретным периодом, структурированным, выраженным в единицах времени, когда определяются сроки (длительность) осуществления процесса, дается календарная точка отсчета и фиксируется предполагаемый момент, на которые должны быть выполнены опять же конкретные по месту и времени действия. Все вехи и периоды, темп их прохождения можно, теоретически, рассчитать. Здесь говорить о юридических последствиях несоблюдения сроков, тогда как актуальность — вещь более нейтральная в этом отношении. Понятие своевременности, так исторически сложилось, в большей степени связано с идеей личной, индивидуальной ответственности, как будет показано ниже.

ЧУВСТВО СВОЕВРЕМЕННОСТИ КАК ИНДИКАТОР СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОТРЕБНОСТИ

Своевременность базируется и на рациональной, и на эмоциональной составляющей. Она во многом связана с ожидаемостью и желательностью чего-либо. Это свойство желанности, надежды, которое позволяет событию овладевать умами, служит индикатором нехватки чего-то жизненно нужного и необходимого, утраты или устаревания того, что было прежде. Этот недостающий фрагмент бытия является чаемым, домысливаемым.

Квалификация события как своевременного показывает, что внутри общества незрела некоторая потребность или что внешние условия изменились, в то время как адаптации к ним не произошло.

Известно, что социальное время отличается свойством дискретности, неравномер-

ности, наличием периодов кризиса. Рассматривая социокультурные феномены с точки зрения системного подхода, можно обнаружить, что в своем развитии они проходят ряд этапов. Сначала идет этап формирования и «медленного разгона», затем этап экспоненциального роста системы, этап детерминированной инерции, этап стагнации в состоянии системы и затем деградации. На этапе наиболее полного раскрытия, «детерминированной инерции» в развитии системы программа (генетический код) системы работает наиболее эффективно. Также важны индивидуальные ритмы формирующих ее подсистем². Каждый такой этап развития системы сопровождается социальными кризисами и стрессами разного свойства, которые должны быть преодолены. Оценка события (постфактум) как своевременного показывает, что это в какой-то мере произошло.

Что касается личностного восприятия времени, оно проходит в сознании человека через своего рода социокультурные фильтры. Психологическое восприятие времени отличается от астрономического и может быть плавным или дискретным, сжатым или растянутым, насыщенным или бессобытийным. Так, в кризисные периоды развития общества возрастает частота событий, дискретность временного потока, периоды изменений вероятно сокращаются, происходит своего рода «компрессия» истории.

Даже семантический анализ обычных определений времени показывает, что референтной рамкой (П. Сорокин) выступают социальные явления, а единицы времени определяются ритмом коллективной жизни. Социальное время конвенционально, категория своевременности в этом смысле соотносит скорость жизни человека с его окружением.

Помимо того, существует возрастная дифференциация личностного переживания времени, различия в характере и динамике восприятия событий. Так, можно отметить направленность в будущее в молодости, большую значимость прошлого в пожилом возрасте, когда имеет место «ретроспективная

направленность мотивов»³. Этому способствует финалистский образ жизненного пути, восприятие старости не как изменения, но как угасания, ненужности, неудачная ресоциализация в новых условиях и связанная с этим идеализация прошлого. Однако стереотипное восприятие календарного возраста не всегда совпадает с уникальным содержанием индивидуального опыта. В случаях резких социокультурных перемен для межпоколенческих отношений становятся более существенными уникальные личностные характеристики. Это повышает роль пожилого человека как носителя наиболее масштабного жизненного опыта, пережившего все предыдущие кризисы.

Квалификация человеком ситуации как своевременной основывается не только на социально-культурных представлениях, но также имеет биологическую составляющую, в зависимости от высокого или низкого жизненного потенциала, достаточности запаса здоровья и физического состояния, социальности и посильности опыта самому человеку.

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ И ГОРИЗОНТ ОЖИДАНИЙ

Как отмечает Р. Инглхарт, проект движения в сторону современности обладал большой привлекательностью благодаря тому, что она должна была увеличить благосостояние человека, привести людей от состояния бедности к богатству. Таким образом, приняв на веру этот тезис, каждый мог оценить ежегодное увеличение степени благосостояния в своей жизни и разрыв его величины с желаемым и ожидаемым уровнем⁴.

Воображаемое процветание мотивировало, служило импульсом для «агентов модернизации», тем самым притягивая к себе реальные траектории судеб. Рассматривая идею своевременности, Гидденс пишет, что сама эпоха *modernity* ориентирована в будущее, так что будущее имеет статус *контрфактического моделирования*. И актуальность, и своевременность в этом смысле являются проекциями из будущего в настоящее; пред-

восхищение будущего становится частью настоящего⁵.

Тем не менее, преобразования часто влекут за собой высокие социальные издержки при отсутствии ожидаемых позитивных результатов. Оправдываются ожидания только части общества.

В связи с этим можно вспомнить о концепции так называемого «горизонта ожиданий», совпадения или несовпадения реальности и предшествующих психологических установок, которая была предложена Констанцской школой эстетики (Х. Яусс, В. Айзер и др.). Проблемы условности понимания и герменевтического истолкования искусства и литературы — в прошлом, в восприятии другими культурами, временная дистанция между прошлым текста и настоящим реципиента — предполагают, по мнению Х. Яусса, циркуляцию литературной коммуникации и тем самым ее диалогический характер. В дальнейшем идеи этой школы обнаружили свою применимость в более широком, социальном смысле, с точки зрения интерактивной коммуникации как таковой.

Исторически понятие «горизонта ожиданий» относилось к комплексу социально-психологических, эстетических, мировоззренческих и иных представлений, определяющих отношение читателя/зрителя к произведениям культуры. Вопрос об опыте искусства, об эстетической практике заставил анализ *имплицитного, теоретического читателя* дополнить образом *исторического читателя*, «реконструкцию *имманентного горизонта ожидания*, которую предписывает произведение, — реконструкцией *общественного горизонта опыта*, который привносит читатель из своего исторического жизненного мира»⁶. Горизонт ожидания читателя складывался на основании личного опыта как от предыдущих литературно-художественных произведений, так и в связи с внелитературными событиями его жизни. Он должен быть как минимум достигнут, лучше — превзойден, но не должно быть разочарования из-за недостижения.

Другой представитель рецептивной эстетики, В. Айзер, отмечал, что читатель в качестве

воспринимающего субъекта, видя приглашающе «зияющие» пустоты в тексте, домысливает их, заполняя разреженную среду силой своего воображения. Читательская установка из пассивно-созерцательной трансформируется в диалогическую, интерактивную.

Такая антропологическая направленность теории перцептивной эстетики впоследствии вскрыла новые стороны проблемы понимания и коммуникации. Изучение горизонта ожиданий с социально-психологической и практической точки зрения предполагает, что социальное знание располагает инструментарием для обнаружения потребности в ожидаемом событии. Внутри ситуаций, в наибольшей степени отклоняющихся в сторону от горизонта общественных ожиданий, существует своего рода давление, которое выталкивает событие из сферы желательного на более высокие уровни действительности, до тех пор, пока оно не произойдет. Если какое-то событие уже имеет необходимые предпосылки, чтобы произойти, тогда принцип своевременности предполагает наличие некоторого временного интервала, о котором говорилось выше: время пришло, время прошло, время безвозвратно ушло. Таким образом, общество должно суметь предложить способ сближения необходимого и имеющегося, проявить способности к прогнозированию, управляемости развития, а также иметь возможность экспертной оценки самого момента своевременности: надо ли совершить нечто прямо сейчас или эффект от события через некоторое время был бы на порядок выше.

ОСОЗНАННОСТЬ

КАК ПРИСУТСТВИЕ В НАСТОЯЩЕМ

Качество своевременности имеет своего рода двойственную, бинарную структуру, соотносимую с парой «действие — претерпевание действия, восприятие». Если такие аспекты своевременности, как желательность и ожидаемость, относятся к наступлению внешних для индивида событий, то, например, осознанность и ответственность лежат в той сфере, в какой сам он отвечает за

совпадение своего темпоритма со средой. На личностном уровне способность к своевременному действию предполагает способность к планированию, расстановке приоритетов, умение создать максимальное усилие в нужный момент, сохранить психофизиологические резервы⁷. В идеале оценка ситуации требует живого и свежего, «незамыленного» взгляда, присутствия «здесь и сейчас». Проблемы личностного психологического опыта, субъективной очевидности происходящего, осознанных переживаний — одни из самых сложных проблем психологии сознания. «Как изучать то, что является очевидным только для того, кто это очевидное обнаруживает?»⁸.

В целом это достаточно специализированный вопрос, но можно сказать, что имеется ряд факторов, влияющих на работу механизма, который решает, каким образом осознавать настоящее. Содержание сознания в целом и осознаваемое содержание сознания не тождественны. Экспериментальные исследования, проводимые на протяжении многих лет, обнаружили такое явление, как эффект перцептивной защиты. Он проявляется в повышении порога осознания, психологической или эмоциональной защите, своего рода блокировке восприятия.

Факторы, определяющие, выйдет ли некоторое событие на первый план осознания, многочисленны. Это зависимость латентного периода осознания от характера информации; влияние ранее полученной осознанной/неосознанной информации на то, чтобы сознание приняло решение «не заметить» что-то негативное, эмоционально травмирующее; последствие неосознанной информации и многое другое⁹.

Все это говорит о том, что для того, чтобы объяснить осознаваемый опыт, нужно выйти за его пределы. Осознание чего-то как своевременного — это интегральный результат сложной совокупности обстоятельств и внутренних психологических процессов. Как показывает Хесле, значительная часть того, что индивиды думают, чувствуют и даже представляют собой, определяется логикой

культуры, к которой они принадлежат¹⁰. Преобладающий в культуре тип ментальности влияет на то, как человек осознает и истолковывает окружающее. Список добродетелей и недостатков идеального образа человека в традиционном и современном обществе не совпадает.

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ

КАК ВОЗНАГРАЖДАЕМАЯ ЧЕРТА

Общество располагает средствами влияния на правильную соотношенность личного чувства времени с доминирующим: прямо, через формализованные юридические санкции и вознаграждения, премии и т. п., и косвенно, через многообразное воздействие, которое идея модернизации оказывает на саму социально-культурную атмосферу.

Как отмечает В. Г. Федотова, считается аксиомой, что переход общества из традиционного состояния в современное сопровождается персональной модернизацией человека. Этот процесс предполагает развитие не только функционально запрашиваемых качеств — профессионализации, экономического интереса, планирования времени, но и ряд принципиальных социокультурных изменений — развитие рациональности, инновативности, способности к стратегическому планированию жизни как четкому представлению о себе в настоящем и способности работать ради будущего, мотивации к успеху¹¹.

Однако эти черты неравномерно распределены среди населения. Своевременность становится одним из основных условий повышения качества жизни человека в условиях экономической и вообще свободной конкуренции. Успешные/неуспешные примеры судеб, передаваемые как социальный опыт, в том числе между поколениями, закрепляют свойство своевременности в идеальном образе человека *modernity*.

Одной из функций культуры *modernity* в меняющемся обществе было создание социально-психологического единства, формирования общественного порыва, приветствующего попытки не отстать от эпохи. Сложно предположить, как писал Э. Дюрк-

гейм, чтобы люди занимались какой-то деятельностью только потому, что им было приказано, полностью абстрагируясь при этом от ее содержания. Обязанность, или долг, выражает лишь один аспект действия, другим является известная желательность, осознанность, пусть даже иллюзорная¹². Однако неосознаваемая детерминация деятельности основывается не только на культурной парадигме, но и на объективных потребностях переходного общества, попытках не допустить экономического, технологического отставания. Волнами «рецидивирующей» модернизации каждый раз ставились задачи, решение которых было невозможно без коллективного энтузиазма. Ментальность общества, отразившаяся в идеологии модернизации, — результат его предыдущих попыток «рецидивирующей модернизации» и накопления опыта. Мобилизационные периоды развития экономики изменили характер хозяйственной деятельности, большее значение приобрел фактор своевременности работ, соблюдения сроков выполнения, вообще большего внимания к фактору времени как ресурса. Темп жизни предшествующих поколений рассматривается как непозволительная роскошь, расточительство. Относительно своевременности в разных ее аспектах создавалась система множества наград и санкций (от юридических до моральных).

Помимо юридических, своевременность диктуется социальными нормами как пересечением принятых возрастных сроков прохождения соответствующих этапов жизни (получение образования, брак, этапы карьеры) и потребностью человека в самореализации. К. А. Абульханова-Славская показывает, что иногда даже неосознанно человек ставит себе сроки, чтобы социально не отстать, успеть, оценивая их несоблюдение как жизненную неудачу. Временные смысловые оценки («еще успею», «еще рано», «уже поздно», «скоро будет поздно») часто являются важной составляющей жизненной мотивации и регуляции реальных соотношений человека с объективным временем¹³.

Своевременность стала значимым лозунгом, олицетворением динамики, способностью к своевременному действию — конкурентным преимуществом, желательным для человека как экономического агента. Здесь присутствует элемент престижа, респектабельности: неспособность к планированию считается одной из черт субкультуры бедности.

Общество не только оценило интуицию на своевременность событий и способность к своевременному действию, эти свойства для «агента модернизации» стали одними из главных. Это качества, которые, будучи частью личностной структуры человека, способны повлиять на экономическое и другое развитие общества. Такая оценка вошла как-то частью в культурный код стран, прошедших модернизацию, распространив идею особой ценности внимательного персонального отношения ко времени.

¹ См.: Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.

² Пространство циклов: мир — Россия — регион. Под ред. В. А. Бабурина, П. А. Чистякова. М., 2007. С. 32.

³ См.: Москвин В. А., Попович В. В. Философско-психологические аспекты иссле-

дования категории времени // Credo. 1998. № 6 (12).

⁴ См.: Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 4.

⁵ См.: Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под редакцией В. А. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

⁶ Яусс Х. Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97.

⁷ См.: Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.

⁸ Агафонов А. Ю. Когнитивная психомеханика сознания. Самара, 2007. С. 24.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10.

¹¹ См.: Федотова В. Г. Человеческий капитал, персональная модернизация и проблема развития человека // Знание, понимание, умение. 2007, № 1.

¹² См.: Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Цит. по: Теоретическая социология. Антология / под ред. С. П. Баньковской. М., 2002.

¹³ См.: Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991.

Вышла книга ректора Национального института бизнеса С. И. Плаксия «Высшее образование: желаемое и действительное» (М.: Изд-во НИБ, 2008. 776 с.). В книге анализируются наиболее животрепещущие проблемы и перспективы российского высшего образования. Особое внимание уделяется выработке концепции качества высшего образования, адекватного вызовам XXI века, путям его достижения. Предлагаются подходы к оптимальному и органическому преобразованию вузов с учетом международных трендов, советского и российского опыта, реальной ситуации, специфики объекта и возможных перспектив на ближайшие два-три десятилетия. Книга написана в проблемно-полемиическом ключе с широким привлечением фактологического материала.